

Of particular importance for the analysis of Parthian history proper is the information about the difference between two peoples: Parthies and Parthians. The former are the settled indigenous inhabitants of the province of Parthene, and the latter are the nomads who conquered them. This conclusion is another argument in favour of the reliability of the scheme of early Parthian history suggested by Strabo and Justinus (Pompeius Trogus) and against the scheme in «Parthica» by Arrianus.

© 1998 г.

Д.Е. Афиногенов

ПСЕВДО-МЕЛИТОН: ПРОБЛЕМЫ ВЕРЫ И ВЛАСТИ В ОДНОМ РАННЕСИРИЙСКОМ ТЕКСТЕ

Памятник, который рассматривается в этой заметке, занимает довольно изолированное положение в сирийской литературе, поскольку его трудно связать с какой-либо определенной традицией или направлением. Название, под которым его чаще всего цитируют, – «Апология Псевдо-Мелитона» – вводит в заблуждение относительно жанра произведения, поскольку различия между ним и сочинениями ранних христианских апологетов, появившимися примерно в то же время, весьма велики. В рукописном же надписании употреблено слово *temga*, т.е. «слово», в том же смысле, что и, например, «Слово к эллинам» Татиана. Как будет подробно рассказано ниже, по содержанию наш памятник напоминает скорее княжеское зеркало или протрептик.

Нельзя сказать, чтобы «Слово Псевдо-Мелитона» совсем не пользовалось вниманием со стороны ученых. В конце прошлого века появилось несколько публикаций, посвященных изданному впервые в 1855 г. У. Кьюртоном¹ тексту, итог которым подвела большая работа Т. Ульбриха², однако с тех пор сколько-нибудь детальных исследований больше не появлялось. Представляется целесообразным дать перечень основных поставленных тогда проблем и краткий обзор предложенных решений: 1) место и время возникновения; 2) адресат произведения; 3) религиозная принадлежность автора; 4) оригинальный язык; 5) авторство.

1. По первому вопросу разногласий практически нет. Тесное знакомство автора «Слова» с локальными традициями Эдессы и в особенности Маббуга (Иераполя) указывает именно на этот регион³. Время, – по-видимому, рубеж II и III вв., хотя Т. Ульбрих делает попытку сузить датировку до 202–206 годов или даже до 203–204 годов⁴.

2. Относительно адресата можно с уверенностью утверждать, что он, во-первых, – царствующая особа (см. особенно с. 28–29), а во-вторых, безусловно, не римский император (ср. с. 24). В сочетании с предыдущими данными это наводит на мысль о правителе одного из полунезависимых царств в буферной зоне между Римом и Парфией. Естественно, первое, что приходит в голову, – отождествить адресата «Слова» с Авгаром VIII, царем Осроены, – тем самым, который, по преданию, обратился в

¹ *Spicilegium Syriacum* / Ed. W. Cureton. L., 1855. P. 22–31. Цифры в скобках означают страницы этого издания (сирийская пагинация).

² *Ulbrich Th.* Die pseudomelitonische Apologie. Kirchengeschichtliche Abhandlungen 4. Breslau, 1906. S. 69–148.

³ *Ibid.* S. 132–133.

⁴ *Ibid.* S. 140. Датировка «Слова» 169-м годом (см. *Vermander J.-M.* La parution de l'ouvrage de Celse et la datation des quelques apologies // *Révue des Études Augustiniennes.* 1972. 18. P. 27–42) основана на признании обращения к императору Антонину Пию подлинным, что крайне маловероятно.

христианство и о котором существует обширная легендарная литература⁵. Так и поступает Т. Ульбрих⁶. Однако гипотеза эта, кроме общих соображений, ничем, в сущности, не подкреплена.

3. Был ли автор христианином? Несмотря на то что положительный ответ дается обычно с большой уверенностью, указания, которые имеются в тексте, довольно скудны. Так, на с. 26 сказано: «Кто же Бог Сей, Который истина и Слово Его истина?.. Если человек поклоняется чему-то рукотворному, то он поклоняется не истине и не слову истины (w'p P'lmī' dšr'?)». Melta, наряду с petgama, может быть соответствием для греческого λόγος в значении «Слово Божие». Но это место допускает и иные толкования. Наиболее же весомым свидетельством в пользу того, что «Слово» написано христианином, может служить следующая фраза: «Ныне же, когда слышен глас по всей земле, что есть Бог истинный, и каждому дано око, чтобы видеть...» (23). В контексте резко выражено противопоставление старого и нового состояния, что позволяет считать автора приверженцем именно новой религии. В то же время, если исходить из послышки, что Псевдо-Мелитон все-таки христианин, то доктринальный анализ показывает, что он не иудео-христианин и не гностик, а придерживается вполне православных взглядов⁷. Между прочим сама неявность христианской тенденции (ни разу не упоминаются, например, Христос, крещение и многое другое) свидетельствует о том, что обращение к царю – не литературная фикция, потому что только в таком случае христианину имело смысл облекать свои увещания в столь обобщенную форму, чтобы не оттолкнуть правителя, который мог симпатизировать иудаизму (такие примеры известны, и даже Авгара VIII некоторые считают иудействующим⁸).

4. Мнение, что оригинальным языком «Слова» был сирийский, практически общепринято.

5. Авторская принадлежность произведения – наиболее темная и трудноразрешимая проблема. Как надписание, так и вводная ремарка «Сказал Мелитон», вероятно, тексту не принадлежат⁹. Они не согласованы даже между собой (надписание кончается словами «и начал говорить так», которые лишают смысла какие бы то ни было промежуточные ремарки). Заключительный же абзац, в котором есть обращение «О Антонин кесарь» (ʾntwnys, в надписании ʾntwnynws), в таком случае придется считать подложным либо интерполированным (что вероятнее). Авторство настоящего Мелитона Сардского даже не рассматривается, так как его известные греческие сочинения не имеют практически ничего общего с данным текстом, а кроме того, крайне маловероятно, чтобы он мог знать такие подробности о культах Маббуга и Эдессы (не говоря уже о том, что по-сирийски Мелитон, кажется, не писал). Т. Ульбрих пошел по наиболее легкому пути в установлении авторства: отождествив адресата «Слова» с Авгаром, он приписал памятник Бардесану – единственному известному христианскому писателю при дворе этого царя, уроженцу Иераполя. Эту гипотезу, однако, без труда опроверг Ф. Гаазе, выдвинув против нее три возражения¹⁰: во-первых, Псевдо-Мелитон учит о телесном воскресении, тогда как Бардесан его отрицал; во-вторых, общая богословская концепция не согласуется со взглядами Бардесана; в-третьих, грубый и резкий тон произведения не вяжется с обликом утонченного царедворца. Неубедительно и предположение Т. Ульбриха, будто «Слово Псевдо-Мелитона» есть запись прения между христианином и язычником при дворе Авгара, поскольку вводная ремарка явно неподлинна, а в тексте имеются прямые указания на письменный характер произведения (с. 25, 23; ср. 24, 15). Однако вполне справедливо представляется мнение того же ученого, что «Слово» (которое, напомним, обычно называют «аполо-

⁵ См. *Меуцерская Е.Н.* Легенда об Авгаре – раннесирийский литературный памятник. М., 1984.

⁶ *Ulbrich.* Op. cit. S. 137 f.

⁷ *Ibid.* S. 128.

⁸ *Haase F.* *Altchristliche Kirchengeschichte nach orientalische Quellen.* Zpz, 1925. S. 85–86.

⁹ *Baumstark A.* *Geschichte der syrischen Literatur mit Ausschluß der christlich-palästinensischer Texte.* Bonn, 1922. S. 27.

¹⁰ *Haase.* Op. cit. S. 133 f.

гией»), на самом деле вовсе не апология, а *Bekehrungsversuch*, т.е. протрептик. Это, кстати, еще один серьезный довод против того, чтобы считать адресатом римского императора.

Таким образом, кратко результаты исследований можно изложить так: данный памятник представляет собой произведение протрептического жанра, написанное сирийски в самом начале III в. в Восточной Сирии неизвестным христианским автором, жителем или уроженцем Иераполя, и адресованное кому-то из местных династов, скорее всего Авгару VIII Эдесскому.

Необходимо отметить, что в уже имеющихся работах без внимания и интерпретации оставлен один немаловажный аспект мировоззрения Псевдо-Мелитона, а именно его социально-политические воззрения. Между тем они имеют ряд ярко выраженных характерных особенностей, представляющих интерес для истории христианской политической мысли. Этот пробел и призвана восполнить настоящая заметка.

Более всего своеобразие Псевдо-Мелитона проявляется в его взглядах на происхождение и сущность язычества. Сама по себе эта тема, подробно разрабатывавшаяся в раннехристианской литературе, вряд ли заслуживала бы отдельного разговора, если бы не та оригинальная трактовка, которую она получает в «Слове». Основные представления о природе язычества содержатся еще в библейской книге «Премудрости Соломоновой» и сводятся к следующему: язычество есть обожествление либо сил природы (Прем. Сол. 13:2), либо умерших или царей (там же, 14:15–17). К этому впоследствии добавилось еще мнение, что языческие культы учреждались по наущению бесов, заставлявших людей почитать себя. Все перечисленные моменты можно без труда обнаружить и у Псевдо-Мелитона. «Если кто называет огонь богом, то это не бог, потому что это огонь, и если воду... землю... небо... или солнце и луну, или одну из звезд...» (23) (перечень во многом похож на соответствующее место из «Премудрости» (13:2): «почитали за богов... или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную воду, или небесные светила»). Далее, «они поклоняются изображениям умерших царей» (24) и «ты пресмыкаешься на земле перед бесами и призраками (tɪnuʔ)» (27).

Однако, если внимательно присмотреться, обнаруживается, что Псевдо-Мелитон подходит к язычникам не с одной общей меркой. Уже в самом начале (23, 7–8) он выделяет как ложных богов золото и серебро, а затем говорит: «Люди, взыскуя Бога, преткнулись о камни и деревья, а те из них, кто богат, преткнулись о золото и серебро» (23, 15–16). Упоминание золота и серебра в данных контекстах можно истолковать так, что речь идет только о материале для изготовления идолов. Однако другие фрагменты показывают, что тут есть и другой, более глубокий смысл: «И не понимают они, когда дают золото художникам, чтобы те сделали им бога, и дают им деньги на украшение и убранство, и переносят свое богатство с одного места на другое, и почитают его. А какая может быть большая мерзость (ʿntwtʔ), чем когда человек поклоняется своему богатству и оставляет Того, Кто дал ему богатство?» (26). Эта мысль настолько важна для автора, что он повторяет ее еще раз на протяжении довольно небольшого (всего 9 печатных страниц) произведения: «И золото взвешивают, [чтобы узнать], сколько оно весит. И когда ты выделяешь его (ʿbdtyhy), зачем ты взвешиваешь его? Посему ты любишь золото, а не Бога» (29). Итак, для некоторых («тех, кто богат») предметом почитания являются деньги, корысть. Разумеется, Псевдо-Мелитон не утверждает, что язычество и в своей внешней форме есть просто культ денег. Он говорит: «Они не поклоняются веществу золота и серебра, пока художники не изваяют их... и тогда поклоняются им» (25). Таким образом, обвинения в почитании богатства есть разоблачение лицемерия определенной группы людей, для которых действительно не столько прочие поводы к идолопоклонству (обожествление природы и умерших, бесовское наущение), сколько личная выгода. Более того, стремление этих людей к собственной корысти есть еще и одна из причин самого существования языческих культов: «А те из них, кто умен (hɪɪuʔ), или ради выгоды (uwtɪnʔ), или ради суетной славы, или ради власти над многими

(*ʔwhdnʔ dsgʔ*), и они поклоняются и побуждают неразумных поклоняться бесчувственным [идолам]» (24). Итак, мы имеем разделение всех идолопоклонников на «умных» (они же «богатые») и «неразумных» (*hsyru lbʔ*). Необходимо теперь рассмотреть, кто же относится к первой категории. Очевидно, что чисто имущественные различия еще не все, так как, чтобы извлекать прибыль из язычества, необходимо обладать и властью («суетная слава» или «власть над многими»). И действительно, основной акцент Псевдо-Мелитон делает на том, что люди склонны обожествлять именно своих властителей – даже то место из пророчеств Сивиллы, которое он цитирует, перетолковано в этом направлении (24)¹¹. Но есть в тексте «Слова» и еще более красноречивые свидетельства: «Ибо вот и сейчас они почитают изображения кесаря более, чем прежние. Ибо от этих их прежних богов также и подати и налоги идут кесарю как тому, кто больше их... и сколько дают почитатели в казну других царей, [установлено] по местам...» (24). Это значит, что все, что говорилось о «богатых» и «умных», применимо прежде всего к адресату «Слова», если принять мнение, что он все-таки царь. Получается, следовательно, что языческие культы выступают как моральная, а также и материальная опора государственной, царской власти. Именно поэтому Псевдо-Мелитон считает нужным пояснить, что «когда ты, оставив то, что видимо и тленно, будешь предстоять вовеки перед Ним, имея жизнь и знание, и твои дела будут тебе богатством неисчерпаемым и долей (*nksʔ*) без недостатка» (26). Автор «Слова» тем самым противопоставляет истинное богатство тому ложному и переходящему, которое его собеседник получает через посредство языческих культов. Но у Псевдо-Мелитона есть и более прагматичные аргументы. Он вовсе не осуждает земные блага сами по себе. В одном из приведенных контекстов прямо говорится, что богатство дается Богом. Доказывая, что следует не во всем подражать предкам, но исправлять то, что у них было плохо, Псевдо-Мелитон пользуется следующим доводом: «Разве те, кому отцы их оставили нищету, не стремятся разбогатеть? А те, чьи родители не воспитывали, хотя и получить воспитание и выучиться тому, чего не знали отцы их» (30). Получается, что богатство для автора «Слова», безусловно, предпочтительнее бедности. И в его сочинении прослеживается мысль, что идолопоклонство приводит к бессмысленной растрате материальных ценностей. «Восстань от среды тех, кто... отдает пропитание (*sybrʔ*) свое в пищу огню и приносит одежды свои идолам» (28). Напротив, одна из преимуществ религии истинного Бога заключается в том, что «Он ничего не просит у тебя – Он ни в чем не нуждается» (26, 9–10). При этом явно имеются в виду именно вещественные приношения. Такой несколько приземленный подход вообще характерен для «Слова», и стремление его автора осмысливать даже богословские вопросы в социальном плане делает произведение исключительно ценным для наших целей.

Необходимо отметить в первую очередь то, что Псевдо-Мелитон, проповедуя свою веру, постоянно учитывает, какие последствия вытекают из ее положений для его адресата, как правителя. Так, он не забывает указать, что идолы не могут даровать победы в войне, поскольку в случае поражения их самих захватывает враг (28). Стало быть, предполагается, что Бог может оказывать царю, по его молитве, и помощь на войне. Вообще, обращение в новую веру воспринимается Псевдо-Мелитоном не только как перемена внутренних убеждений, но прежде всего как принятие другого образа поведения (*ʔmwʔ byšʔ* – 28,9; *mdbrw šyru* – 28, 20). Каковы же представления автора «Слова» о месте и функциях христианского правителя, позволившие Ф. Дворнику уподобить памятник средневековому княжескому зеркалу¹²? По счастью, свои мысли Псевдо-Мелитон излагает в довольно компактном отрывке, который, прежде чем интерпретировать его, целесообразно привести целиком: «Но, может быть, тот, кто есть царь, скажет: "Я не могу вести себя хорошо, потому что я царь. Мне подобает

¹¹ *Ulbrich*. Op. cit. S. 117.

¹² *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine Political Philosophy. Origins and Background. V. II. Washington, 1966. P. 586.

творить волю многих ("bd ſbynʹ dsgy"). Тот, кто говорит так, поистине заслуживает осмеяния. Ибо почему царь не может быть зачинателем всех благ и убедить народ послушаться его, чтобы жить в чистоте и познавать Бога в истине? И он даст им в себе самом пример для всех добрых дел, ибо так приличествует (у²) ему. Ведь нелепо, чтобы царь, живя дурно, судил бы и осуждал преступников. Я же думаю так: вот как царство могло бы управляться в мире. Когда царь будет знать Бога истинного и будет бояться пред Ним согрешать против людей, подвластных ему, и будет судить по правде, как человек, знающий, что и он будет судим Богом, – тогда и те, кто под рукою его, не будут, боясь Бога, согрешать против своего царя и убоятся согрешать друг против друга. И этим знанием Бога и страхом Его всякое зло может быть удалено от царства. Ибо если царь не будет согрешать против тех, кто под рукою его, и они не будут согрешать против него и друг против друга, то, понятное дело, вся страна будет жить в спокойствии, и будут там многие блага, потому что имя Божие прославляемо будет среди них. Ибо вот [еще] благо больше этого – что царь спасает подданных своих от заблуждения и тем угождает Богу» (28–29).

Анализируя этот текст, следует обратить внимание на то, что тема «воли многих» и зависимости от нее царя появляется у Мелитона не единожды. С нее практически начинается «Слово»: «И считают, что праведность в том, чтобы заблуждаться вместе с большинством (букв. "многими", sgy²)» (22). И несколько ниже: «Чтобы не было извинения тем, кто из стыда перед многими заблуждается вместе с ними... Ибо тем, кто стыдится жить, придется (ἠπῆρ) умереть» (23). Но только в приведенном фрагменте становится ясно, что, собственно, имеется в виду. Автор «Слова» имеет дело с ситуацией, когда правитель в определенной мере зависим от своих подданных и ответствен перед ними. Но в интересах проповеди эту зависимость нужно снять, так как она не дает возможности царю стать «зачинателем всех благ» для своего народа. Чем же в этом случае обеспечивается, по мысли Псевдо-Мелитона, выполнение монархической властью своих обязательств перед подданными («не согрешать против людей, подвластных ему»)? Ответ очевиден: царь отвечает за свои действия перед Богом и будет за них судим. В этих взглядах намечена тенденция к выработке религиозной санкции царской власти уже в пределах христианства. Значение этого факта трудно переоценить, если вспомнить, что данное сочинение создавалось в то время, когда ни греческие, ни латинские христианские писатели не могли и мечтать о том, чтобы во главе государства стал их единоверец. В Сирии, а точнее в Эдессе, положение было несколько иным (об этом еще будет сказано).

Конечно, о сколько-нибудь артикулированной «политической ортодоксии», о чем-то подобном византийской императорской идеологии, какой мы ее знаем уже с IV века, здесь говорить не приходится. Отсутствуют, прежде всего, такие важные элементы, как представление о божественном происхождении царской власти (как института и применительно к каждому отдельному государю), а также об ответственности правителя перед Богом за свой народ (т.е. за его правоверие). Тем не менее Псевдо-Мелитон делает огромный шаг в направлении, которое затем приведет к Евсевию Кесарийскому с его известной доктриной христианской империи. Шаг этот заключается в следующем.

Индивидуальное обращение человека, которого он увещивает, не является для Псевдо-Мелитона конечной целью. Через посредство своего царя весь народ должен быть приведен к истинной вере. Насколько нам известно, это первый случай появления в христианской литературе идеи, которой суждено было столь великолепное будущее от Трдата до св. равноапостольного князя Владимира. Свидетельство Псевдо-Мелитона может послужить немалым подспорьем тому, кто хочет понять, что же имел в виду Евсевий, называя Константина ἐπίσκοπος τῶν ἑκτός. Анализ текста «Слова» показывает, что концепция эта для автора не случайна и не обусловлена простым воздействием внешних факторов, но весьма прочно коренится в его социальных воззрениях. Как было уже показано, Псевдо-Мелитон исходит из того, что в обществе существуют два рода людей, один из которых направляет другой.

Применительно к языческим культам автор рассматривал отрицательные стороны такого положения (когда власть имущие поддерживают в простых людях идолопоклоннические заблуждения с тем, чтобы извлечь для себя материальную выгоду), а здесь разворачивает его положительные потенции. Вряд ли можно считать случайным, что схожие представления обнаруживаются и у современника Псевдо-Мелитона Бардесана: в «Книге законов стран» говорится о мудрых царях-законодателях, изменяющих в лучшую сторону обычаи целых народов. Вот одно из высказываний Бардесана: «Тот, кто властвует над самим собою, повинуется закону, который положен для него другим, который тоже обладает властью над собою»¹³. Однако нужно отметить, что в Псевдо-Мелитоновом «Слове» те же мысли относительно роли царя в избрании народом веры и образа жизни высказаны с гораздо большей четкостью. И если принять предположение, что данное сочинение действительно писалось для Авгара VIII, придется признать, что правление этого монарха (о котором до сих пор спорят, был ли он христианином, сочувствующим христианству или иудействующим¹⁴), дало сильный толчок христианской политической мысли, предвосхитивший многое из того, что вышло на поверхность лишь столетие спустя (сюда же можно отнести и возникновение легенды об Авгаре, которая дошла до нас в редакции конца IV – начала V в.).

Вместе с тем следует заметить, что почва для появления подобных взглядов была на Ближнем Востоке весьма благоприятной. Представления о религиозной функции царя как спасителя своего народа прослеживаются с III тыс. до н.э., они были присущи и эллинистической политической философии (вспомним титул *σωτήρ*). Поэтому особого внимания заслуживает фраза о царе, который «спасает (*prgq*) народ, что под рукою его» (29, 9–10). Ведь корень *PRQ* (спасать, искупать) в позднейшей сирийской литературе в подавляющем большинстве случаев означает сoterиологическую миссию Христа (особенно существительные *raḡa, raḡuqa, прилагательное raḡuqaaya*). Не исключено, что и в начале III в. у него могли быть сильные религиозные коннотации. И все же у Псевдо-Мелитона, как нам кажется, такого рода воззрения присутствуют лишь в «снятом» виде. Дело в том, что никакой сакрализации царской персоны в «Слове» нет, более того, завершающая фраза гласит, что даже если собеседник Псевдо-Мелитона исполнит все, что тот ему советует, Бог не почтит его больше, чем других праведников. С другой стороны, взгляды нашего автора в точности отражают основные характеристики месопотамского представления о царе, которые Г. Франкфорт формулирует следующим образом: «Царство было чем-то происходящим не от людей, но приданное обществом богами; царь был смертный, сотворенный, чтобы нести сверхчеловеческое служение, которое боги могли в любое время отнять и вручить другому»¹⁵; «Царь был смертным, на которого возложено тяжкое бремя руководства человечеством в его рабском состоянии»¹⁶.

В анализируемом отрывке встречается также мотив, довольно обычный для ранних апологетов, что истинная вера способствует миру и спокойствию в государстве. Однако и тут у Псевдо-Мелитона мы видим несколько иную трактовку: христианство благоприятствует миру и спокойствию в первую очередь потому, что гармонизирует отношения между царем и его подданными. Здесь тоже намечаются некоторые параллели с византийской имперской идеологией.

Еще один вопрос, который необходимо затронуть в этом исследовании, касается отношения автора «Слова» к Риму и римским императорам. Дело в том, что в тексте имеется фрагмент (частично он уже цитировался), который позволяет сделать довольно любопытные выводы. Приведем его теперь уже целиком: «Вот и сейчас они почитают и поклоняются изображениям кесарей более, чем прежним [идолам]. Ибо от этих их прежних идолов налоги и подати идут кесарю. Поэтому убивают тех, кто

¹³ *Bardesanes. Liber legum regionum* / Ed. P. Nau. *Patrologia Syriaca* I, 2. P., 1907. P. 490–658, 603 f.

¹⁴ Убедительное обоснование первой точки зрения см. *Меццерская*. Ук. соч. С. 23.

¹⁵ *Frankfort H. Kingship and the Gods*. Chicago, 1948. P. 237–238.

¹⁶ *Ibid.* P. 295.

презирает их и уменьшает доход кесаря» (24). Здесь интересно, что Псевдо-Мелитон говорит это в доказательство того, что идолы не суть боги. Но ведь для христиан Римской империи культ императоров был важнейшей составной частью язычества, и притом самой опасной, если не в смысле воздействия на умы, то, во всяком случае, как постоянная зона конфликтов с государством. Псевдо-Мелитон же воспринимает поклонение кесарям как нечто принципиально отличное от обожествления умерших царей, т.е. само по себе высокое положение культа императора доказывает, что прочие культы посвящены тоже не богам, а умершим людям. По-видимому, это объясняется тем, что автор «Слова» предполагает в своем собеседнике настолько высокое и отвлеченное понятие о Боге, что не допускает мысли, будто богом можно считать живого человека (тот же Г. Франкфорт, между прочим, убедительно доказывает, что в древней Месопотамии поклонение царским статуям вовсе не означало в собственном смысле обожествления царей¹⁷). Так или иначе, использование подобной аргументации показывает, что реальная ситуация в Римской империи Псевдо-Мелитону была известна плохо. Особенно это видно из того, что преследования христиан (а именно последние скорее всего следует подразумевать под «презирающими идолов») обусловлены, по его мнению, лишь тем, что они «уменьшают доход кесаря», между тем как главным обвинением против них в Римской империи был именно отказ воздавать божеские почести императорским изображениям. Такая частичная осведомленность также свидетельствует о том, что произведение, приписанное Мелитону Сардскому, создавалось в одном из пограничных полунезависимых царств, но не на римской территории непосредственно.

Таким образом, в сочинении, называемом условно «Апологией» или «Словом» Псевдо-Мелитона, разработана довольно последовательная концепция, рассматривающая язычество в том числе как сознательный обман со стороны сильных мира сего, преследующих своекорыстные цели. В этом смысле, однако, идолопоклонство служит и фактором, укрепляющим власть земных царей (обожествление умерших правителей также можно связать с этими целями). Псевдо-Мелитон четко различает тех, кто почитает языческих богов по неразумию и заблуждению – для них идолослужение есть только бессмысленная растрата их достояния, – и тех, кто руководствуется скорее расчетом. Демонстрируя весьма трезвый и прагматический подход, Псевдо-Мелитон предлагает своему адресату-царю взамен утрачиваемых вместе с язычеством выгод те преимущества, которые может принести устройство царства на началах истинной религии. Это устройство основывается на ответственности царя и подданных перед Богом, в том числе и за соблюдение обязательств по отношению друг к другу. На царя возложена и особая миссия стать зачинателем обращения своего народа. Несмотря на то что ситуация, отразившаяся в «Слове», была характерна не для самой Римской империи, но для одного из пограничных царств, вероятнее всего Осроены, идеи, содержащиеся в этом памятнике, имеют огромную важность как прообразы многих существенных черт христианской политической теории.

PROBLEMS OF FAITH AND POWER IN AN EARLY SYRIAC TEXT

D.Ye. Afinogenov

The so-called *Apology of Pseudo-Melito of Sardis* contains several interesting developments concerning the origins of idolatry and its connection with secular power. The author suggests that idolatry is used by «clever» and rich people to manipulate the multitude. While condemning this practice, Pseudo-Melito reveals the positive side of the situation: the ruler can initiate the conversion of his people to the true faith. This idea which anticipates later concepts of «isapostoloi» kings and princes is highly remarkable for a text written as early as 200s or 210s A.D.

¹⁷ Ibid. P. 302–306.